

УДК 070(091)
ББК 76.123

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ
КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ
ЖУРНАЛЬНОГО КОНТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»
Н.А. НЕКРАСОВА)**

О.Г. Шильникова

В статье на материале журнала Н.А. Некрасова «Отечественные записки» (1868–1884) типологически идентифицированы и классифицированы полидискурсивные литературно-критические тексты. Определены их конструктивные и аудиторные функции, текстовые параметры. Рассмотрена роль публикаций синкретических жанровых образований в формировании целостности издания как единого феноменологического пространства.

Ключевые слова: аудитория, жанр, контекст, литературно-художественный журнал, типология, функция, тексты СМИ.

Отечественный литературно-художественный журнал в течение своего двухсотлетнего развития сформировался как явление полидискурсивное, структурно и содержательно неоднородное. Напомним, что в XIX–XX веках его состав традиционно был представлен художественными произведениями различной родовой и жанровой принадлежности, литературной критикой и библиографией, публицистическими материалами, мемуарно-документальными текстами, часто включал историко-литературные, культурологические публикации, статьи, представляющие научные изыскания, в первую очередь в гуманитарной сфере – истории, философии, социологии, эстетике, истории религиозных верований, педагогике. Однако разноплановость присутствующих в содержании ежемесячника дискурсов, обусловленная обилием гетерогенных текстов, не создает дискретности их восприятия реципиентом. Для отдельного читателя каждый журнальный номер – это цельная книжка, «большая литературная форма»

(В. Шкловский), «самостоятельное литературное явление» (Ю. Тынянов). Для коммуникативного сознания социума – хорошо различимый среди других органов СМИ информационно-эстетический феномен, имеющий в культурном пространстве нации свою традиционную нишу. Смысловая и жанровая полифония журнала – это очевидный и не требующий доказательства факт. Исследовательская же коллизия состоит в осмыслении того, каким образом коррелируют в пределах единого текстуального пространства различные типы дискурсии и каков механизм формирования и удержания цельности журнального контекста. Серьезное осмысление этой проблемы невозможно без уяснения общих принципов оформления смысловых субстанций и без представлений о соотношении «материала» и «формы» в журнальном контексте.

Феноменолого-диалектическая формула выражения формы в искусстве была обоснована А.Ф. Лосевым. С его точки зрения, специфика художественной формы в том, что «художественное выражение, или форма, есть то выражение, которое выражает данную предметность целиком и в абсолютной адекватности, так что в выраженном не больше и не меньше»

ше смысла, чем в выражаемом. Художественная форма рождается тогда, когда в предьявляемой смысловой предметности все понято и осознано так, как того требует она сама. Художественная форма есть такая форма, которая дана как цельный миф, цельно и адекватно понимаемый. Это – вне-смысловая инаковость, адекватно воспроизводящая ту или иную смысловую предметность. Это – инаковость, родившая целостный миф. Это – такая алогичная инаковость смысла, для понимания которой не надо сводить ее на первоначально данный отвлеченный смысл. И это такой смысл, который понимается сам по себе, без сведения его на его внешнюю алогическую данность. Художественное в форме есть принципиальное равновесие логической и алогической стихий» [7, с. 45]. В конечном итоге художественная форма в интерпретации А.Ф. Лосева есть символ смыслового лика вещи, она «есть факт... в его адекватном до полной тождественности и равновесия... понятном... мифе. <...> ...Она есть личность... как символ... или символ как личность»¹ [7, с. 46–47]. А.Ф. Лосев считал, что такое определение художественного выражения должно заменить абстрактно-метафизическое учение об «идеальном», «реальном», о «воплощении идеального в реальном». В менее абстрактных категориях, но примерно в том же ключе размышлял о специфике художественной формы Л.С. Выготский². Нельзя не согласиться с Б.Я. Мисонжниковым, считающим, что подобное представление о форме с большей долей вероятности может быть отнесено к пониманию соотношения «формы» и «содержания» в печатном издании, так как здесь, по сути, эксплицируется неразрывная слиянность в феномене внешнего и внутреннего, «плана выражения» и «плана содержания», а также активность «формы» в создании смысла³.

Журнальный контекст в феноменологическом аспекте – многокомпонентный сложный медиафеномен, резонирующее с внешним бытием единство, обязанное своей цельностью, связностью структурным упорядочением и смыслами активности как адресанта, так и реципиента и одновременно имеющее собственные специфические механизмы интеграции и способы удержания цельности. С точки зрения структурно-семиотического подхода –

гетерогенное и гетероструктурное образование, целостная многослойная система неоднородных семиотических пространств, в общем поле которых «взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются» (Ю.М. Лотман) коды смысловых структур. При вступлении в сложные отношения с окружающим социокультурным контекстом, с читательской аудиторией и между собою они обнаруживают способность генерировать смыслы, которые всегда богаче значения любой отдельной составляющей контекста и не могут быть из него автоматически вычислены в качестве простой суммы значений субтекстов, а также создавать новые морфологические образования. В свете теории коммуникации контекст – это сообщение СМИ, представляющее сгусток информации, сообщаемой преднамеренно (*information given*, по Э. Гофману), звено коммуникативной цепи, где ведущая инстанция – адресант. Причем отправитель сообщения не просто воспроизводит информацию в понятном для потребителя виде. Именно он в соответствии со своими интенциями отбирает смыслы и специальным образом организует информационный поток, придавая ему определенные формы для максимально эффективной трансляции адресату и реализации своих общих целей и конкретных редакционных задач.

Если исходить из изложенного выше понимания формы как символа (смысла), признания активности читательской рецепции и роли журнальной формы в создании смыслов, то к механизмам, скрепляющим контекст литературно-художественного журнала и работающим на его интеграцию, должны быть отнесены не только целенаправленные (преднамеренные) усилия редакции по созданию семантической общности издания (проблемно-тематической, идейной, мировоззренческой, образно-символической), но и происходящие в пределах контекста формообразовательные процессы. Они являются более тонкими инструментами воссоздания контекстуального единства журнала и удержания цельности его аудиторной рецепции. Это механизмы, которые действуют уже не на смысловом, а на морфологическом уровне, в первую очередь жанровом и стилевом.

Рассмотрим взаимовлияние журнальных публикаций и обусловленные этими процесса-

ми жанровые и типологические трансформации на примере литературно-критических работ, погруженных в контекстуальное пространство некрасовского журнала «Отечественные записки» (1868–1884)⁴.

Анализ всего массива журнальных текстов, так или иначе связанных с осмыслением литературно-художественных явлений (как самостоятельных критических публикаций, так и публицистических, художественных, научных, искусствоведческих, эссеистических текстов, включающих более или менее развернутые критические фрагменты), с применением исследовательских *стратегий дискурс-анализа и типологизации*, а также использование в качестве операционного инструмента традиционной категории «жанр» и обоснованной в наших работах категории «тип литературно-критических публикаций толстого журнала»⁵ позволил вычленивать в «Отечественных записках» несколько типов полидискурсивных и «синкретических» в жанровом аспекте текстов, которые коррелируют с одним или сразу несколькими дискурсами журнала.

1. *Критико-публицистические публикации*. В качестве примера можно назвать «Литературные заметки» Г.З. Елисеева (ОЗ. 1871. № 10. Отд. II), многочисленные литературные (по определению самого автора) «записки» («Записки Профана»), «заметки» («Из литературных и журнальных заметок 1872 года», «Литературные и житейские заметки» 1872, 1873 годов, «Литературные заметки» за 1878, 1879, 1880 годы), «дневники» («Дневники и переписки Ивана Непомнящего»), «письма» («Письма к ученым людям») Н.К. Михайловского, которые на протяжении нескольких лет выполняли в журнале функции ежемесячных обозрений. Однако, несмотря на авторские жанровые определения, их нельзя однозначно классифицировать как литературно-критические, так как в границах одной публикации Н.К. Михайловский обычно пишет не только о литературе, но и о социологии, истории, статистике, нравственности, политике, о соблюдении законности и многом другом, что характеризует актуальный момент и общественные настроения. В.Н. Коновалов справедливо подчеркивал синкретизм этих работ, проявляющийся и на уровне жанра, и на уровне стиля, и даже на уровне методологии, ко-

торая отчетливо коррелировала с социологическим и в какой-то степени с художественным исследованием действительности⁶. Отчасти это, безусловно, объясняется тем обстоятельством, что по типу критического творчества Н.К. Михайловский принадлежит к «критикам-социологам», для которых слияние публицистичности и научности вполне органично. Однако мы считаем, что следует говорить об интегрирующем влиянии силового поля журнального контекста, ведь Н.К. Михайловский был литературным аналитиком журнала, а значит, не мог не считаться с законами функционирования периодических изданий.

2. *Публицистические тексты*, в разном объеме включающие в себя *отдельные литературно-критические инкрустации*. К примеру, это могут быть комментарии к важным эпизодам культурной жизни, отклики на новое произведение известного автора, анализ общественной позиции писателя, полемика журнала по животрепещущим эстетическим вопросам. В «Отечественных записках» аналитические фрагменты, посвященные актуальным проблемам творчества либо значимым для общества художественным явлениям, а также отдельные литературно-критические суждения часто проникали в публицистические общественно-политические обзоры раздела «Современное обозрение». Если же художественное событие было очень серьезным по своему общественному резонансу или касалось крупной, влиятельной фигуры литературно-общественного движения, либо обсуждаемые вопросы напрямую сопрягались с общественными интересами, то, к примеру, обозреватель-публицист Г.З. Елисеев мог посвятить этому большую часть своего «Внутреннего обозрения». Так, в № 3 за 1878 год, откликаясь на смерть редактора «Отечественных записок» Н.А. Некрасова, он вступает в очередную полемику по эстетическим проблемам с Ф.М. Достоевским, А.С. Сувориным, «критиками-эстетиками».

Отличительная особенность первого и второго типа публикаций как текстов СМИ состоит в следующем:

- любой артефакт соизмеряется в них не с эстетическими нормами, а с явлениями и тенденциями современного общественно-

- го процесса, он интересует автора прежде всего как социально значимое явление;
- отсюда в таких текстах, как правило, не все уровни критической рефлексии представлены эксплицитно: философско-эстетический и оценочно-прагматический дискурсы здесь значительно ослаблены, латентны, представлены имплицитно либо их воссоздание требует от реципиента усилий по реконструкции с учетом общей политики издания;
 - анализ художественных произведений и творчества писателя осуществляется автором в социально-публицистическом дискурсе, что означает максимальный выход в социальные, идеологические, политические, а порою и экономические сферы современности, интенсивное использование публицистических приемов диалогизации текста и способов ведения полемики, а также значительную субъективизацию форм выражения авторского начала;
 - оценка любого художественного явления опирается на шкалу критериев, которая основана на представлении об искусстве как социокультурном феномене, а значит, в первую очередь автор учитывает социальные функции искусства, его прагматические социальные роли и характер влияния на общество в целом.

К примеру, Г.З. Елисеев в публицистическом «Внутреннем обозрении» 1879 года размышляя о причинах, которые в очередной приезд И.С. Тургенева в Москву побудили московскую и петербургскую общественность на многочисленных литературных обедах неожиданно бурно чествовать писателя, так оценил «Записки охотника» и вклад Тургенева в русскую словесность: «...В некоторых речах говорилось, что И.С. чествуется за то, что он написал «Записки охотника», в которых за время крепостного права в первый раз в литературе заявлено было человеческое отношение к мужику. Положим, даже и так, хотя мимоходом нельзя не заметить, что при этом забываются первые годы царствования императора Александра I, личные воззрения этого государя на крепостное право и т. д. Но, положим, что так. Во всяком случае «Записки охотника» для нынешнего времени составляют не более чем *исторический* материал.

Даже *современное законодательство и действительная жизнь* далеко обогнала их, не говоря уже о народившихся *новых идеалах*. Следовательно, «Записки охотника» никак *не могут служить воспламеняющей искрой* для разных торжеств и оваций в честь автора». «И.С. Тургенев *был* одной из очень крупных величин в нашей литературе; *в прежнее время* он был самым любимейшим писателем в России, которым зачитывались все. Поэтому *в деле развития русского общества* И.С. Тургенев *играл огромную роль*, так что можно без всякого преувеличения сказать, что из людей, молодость которых относится к дореформенному времени, нет человека, для которого И.С. Тургенев не был бы, в том или другом отношении, *учителем*; с приливом *новых идей*, вызванных *реформами*, с *расширением* вообще *горизонта мысли* в русском обществе, с появлением *нового миросозерцания и новых требований* значение сочинений И.С. Тургенева *должно было уменьшиться*, но тем не менее и до настоящего времени, на известной степени развития, он продолжает оставаться не только образцом стилистики, а действительным учителем» (курсив мой. – О. Ш.) (ОЗ. 1879. № 4. Отд. II. С. 221, 230).

Первый из приведенных выше фрагментов композиционно относится к началу публикации, а второй – является последней серьезной сентенцией, завершающей в тексте обзор тему творчества и личности И.С. Тургенева в русской словесности. Между ними – ироническое комментирование нескольких торжественных речей, где предлагалось считать И.С. Тургенева оракулом, на которого общество продолжает возлагать надежды, потому что писателю все еще по силам возвестить какое-то новое слово, могущее служить руководством к действию, острое, внутренне полемическое обсуждение давнего конфликта Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева, вызванного публикацией последних писем В.Г. Белинского, пародийное обсуждение литературных речей и обедов и, наконец, почти саркастическое объяснение, почему «Отечественные записки» не смогли почтить их своим присутствием. Семантически все пассажи объединены мыслью, что время, когда И.С. Тургенев был кумиром русской публики, уже позади, поскольку оста-

вив Россию, он перестал принимать близко к сердцу ее кровные интересы. Интонационно эти фрагменты связаны ироническим, почти издевательским тоном рассуждений и отчетливо выраженным укором писателю, фактически покинувшему родину.

В публикации последовательно осуществляется весьма характерная для литературно-критической рефлексии аксиологическая процедура – рутинизация объекта исследования. Происходит это за счет полной редукции эстетического и одновременно абсолютизации публицистического компонента оценки творчества писателя. Примечательно, что именно публицистическую составляющую своей оценочной шкалы Г.З. Елисеев формулирует в тексте развернуто и эксплицитно, основывая ее на уровне социального, политического и нравственного развития современного общества. В полновесной критической статье столь прямолинейные аналогии между литературой и уровнем развития общества, игнорирование специфики искусства, навязывание художнику статуса общественного деятеля выглядели бы по крайней мере некорректно. Однако в общественно-политическом отделе журнала публицистический дискурс закономерно подчинял себе литературно-критический, образуя синкретический по своим типологическим параметрам текст.

3. *Художественно-публицистические публикации, включающие литературно-критический компонент.* Например, печатавшийся «Отечественными записками» в 1880 (№ 9–11) и 1881 (№ 1, 2, 5, 6) годах цикл М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». Своеобразие жанровой формы этого произведения заметили уже современники писателя. П.В. Анненков назвал их «рассказами». А.И. Гончаров писал о сатирах Салтыкова-Щедрина как произведениях, «не подчиняющихся никаким стеснениям формы и бьющих живым ключом злого, необыкновенного юмора и соответствующего ему сильного и оригинального языка» [4, с. 425]. Трудность жанрового оформления своих очерков отмечал и сам писатель: «...Хотя многим кажется, что писать в этом жанре сущие пустяки, но, в сущности, это едва ли не самый трудный род литературы. Представьте себе, что тут надо каждое слово рассчитать, чтоб оно не представляло диссонанса, чтоб оно было именно то самое, какое

следует» [15, с. 175]. С.А. Макашин определяет «За рубежом» как книгу очерков [8, с. 284]. А.М. Турков обратил внимание, что, помимо собственно документально-очерковых наблюдений, в цикле присутствуют элементы художественной образности, обусловленные неоднозначностью фигуры рассказчика. Он же заметил: «Блестящий сатирический фейерверк вспыхивает в книге по поводу тогдашней французской литературы» [12, с. 18].

Действительно, в четвертой части (ОЗ. 1881. № 1) мы наблюдаем вторжение в художественно-публицистический текст литературно-критического дискурса. М.Е. Салтыков-Щедрин характеризует здесь литературную ситуацию в России 1840-х годов и отношение молодой читающей публики к прогрессивной французской литературе периода революции, резко критикует «безыдейную слабость» школы современного французского натурализма 1880-х и культивируемые им принципы изображения человека. Признавая талантливость Э. Золя, писатель тем не менее в гротесково-сатирической форме оценивает скандально известный роман «Нана» и создает пародию на бездарных эпигонов французского автора. Одновременно в духе традиционного литературно-критического обозрения М.Е. Салтыков-Щедрин набрасывает определенную типологию современной французской словесности: «Около Золя стоит целая школа его последователей, из которых одни рабски подражают ему, другие – высказывают поползновение идти еще дальше в смысле деталей», третьи направление «представляют произведения порнографии». И, наконец, автор цикла, выступая как критик-публицист, пристально исследует эстетические пристрастия и литературные вкусы французского буржуа, для которого интересны лишь самые обыденные проявления человеческой натуры, а читает он «единственно для того, чтоб не прослыть неучем».

По своей жанровой природе рассматриваемый литературно-критический дискурс, как и текст в целом, предельно полифоничен. М.Е. Салтыков-Щедрин виртуозно синтезирует в нем *элементы рецензии, обзора, историко-литературной параллели* и полноценной критической *пародии* с литературно-критической *полемикой* и *социологическим исследованием* аудитории, объединяя все это

памфлетной лексико-стилистической манерой изложения.

4. *Критико-документальные и критико-мемуарные публикации*, одновременно формирующие и литературно-критический, и публицистический дискурс издания. Журнальный контекст «Отечественных записок» изобилует публикациями подобного типа. Среди них:

- *мемориальные статьи, некрологи* информационного характера, основным содержанием которых являются факты биографии и определение роли художника в развитии литературы. К примеру, вторая статья цикла Н.К. Михайловского «Записки современника» с подзаголовком «О покойниках», где похороны Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского и те же печальные события, связанные с В.Г. Белинским и Н.А. Некрасовым, рассматриваются как значимые факты общественной жизни (ОЗ. 1881. № 2. Отд. II); некролог Г.И. Успенского о Ф.М. Решетникове (ОЗ. 1871. № 11. Отд. II); редакционный некролог «Николай Алексеевич Некрасов» (ОЗ. 1878. № 1. Отдельн. паг.);
- *мемуары*, например, воспоминания доктора Н.А. Белоголового «Болельник Николая Алексеевича Некрасова» (ОЗ. 1878. № 10. Отд. II)⁷;
- *эпистолярное наследие и дневниковые записи писателя* – «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)» (ОЗ. 1879. № 1. Отд. II)⁸;
- *документально-биографические публикации*, посвященные литераторам, к примеру, отклик А.М. Скабичевского на вышедшее в 1879 году посмертное четвертомное издание стихотворений Н.А. Некрасова (ОЗ. 1879. № 7. Отд. II), представляющий собой, по мнению В.И. Кулешова, биографический очерк, из которого «широкая публика впервые узнавала много полезных и важных сведений о его жизни и деятельности, освещенных в сочувственном и предельно объективном духе» [6, с. 184];
- *документально-библиографические материалы* о жизни и творческом пути писателя, такие как библиографические материалы В.П. Горленко «Литературные дебюты Некрасова» (ОЗ. 1878. № 12.

Отд. II) или две публикации С.И. Пономарева «Копеечная свечка в память о Некрасове» (ОЗ. 1878. № 3. Отд. II; 1878. № 4. Отд. II). Две последние, как значилось в подзаголовке, содержали библиографию произведений поэта, беглые заметки о будущем издании сочинений, литературу о нем, сведения о портретных изображениях Н.А. Некрасова, о рисунках и музыке по его сочинениям, а также данные о переводах стихотворений и стихах, посвященных самому поэту, пародии на некрасовские произведения и, наконец, некрологи, то есть все, что помогало читателю понять и оценить значение литературной личности Н.А. Некрасова и его вклад в отечественную словесность.

5. *Научно-критические публикации*, в которых литературно-критический дискурс корреспондирует с тем или иным вариантом дискурса научного либо в которых под влиянием всего журнального контекста или в результате использования автором специальных публицистических приемов происходит актуализация содержания какой-либо нейтральной сферы знаний о художественном творчестве.

В этом случае возникает специфический аудиторный эффект, механизм действия которого состоит в том, что когда знакомство читателей с индифферентными по отношению к современности научными текстами происходит в условиях актуального журнального контекста, то последний выполняет для реципиента роль преднамеренно формируемой системы аксиологических координат и дополнительного эмоционального фона. Эта пресуппозиционная база и создает предпосылки для того, чтобы в процессе восприятия и интерпретации нейтрального научного текста активизировалась не только индивидуальная когнитивная база реципиента, но и тот массив смыслов и, возможно, психоэмоциональных состояний, который предлагает ему журнальный контекст всей совокупностью своих публикаций. Таким образом в читательском восприятии неизбежно происходит трансляция актуальности даже на индифферентные по отношению к злободневным проблемам современности тексты. В результате на уровне читательской рецепции, как правило, происходит

включение соответствующей публикации в общее текстуальное пространство журнала и, как следствие, расширение границ смысловой интерпретации текста. По крайней мере, опытная редакционная коллегия, подбирая материал и выстраивая номер композиционно, всегда надеется на подобное сотворчество своей аудитории.

В некрасовских «Отечественных записках» литературно-критический дискурс чаще всего коррелировал (соответственно нередко совмещаясь и взаимодействуя в пределах одного и того же локального текстуального пространства) с несколькими сопредельными литературной критике научными областями:

- с *социологией* – «Французский крестьянин в 1789 году» Д.И. Писарева (ОЗ. 1868. № 6. Отд. II);
- с *историей литературы* – «Франсуа Рабле и его поэма» (Литературно-исторический очерк) В.А. Зайцева (ОЗ. 1874. № 5. Отд. I), «Очерки умственного развития нашего общества» А.М. Скабичевского (ОЗ. 1871. № 1–3, 10);
- с *историей России и зарубежных стран* – «Цензурный проект Магницкого» (Из истории цензуры в России) А.П. Пятковского (ОЗ. 1869. № 10. Отд. I), «Очерки по истории русской цензуры» А.М. Скабичевского (ОЗ. 1882. № 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12; 1883. № 1, 3, 4, 6, 8, 11, 12; 1884. № 3, 4), «Очерки французской журналистики» В.А. Зайцева (ОЗ. 1871. № 8. Отд. I);
- с *научной методикой преподавания словесности в школе* – «О воспитательном значении русской литературы» В.И. Водовозова (ОЗ. 1870. № 5. Отд. I), «Наши классики в характеристиках г. Галахова» А.П. Пятковского (ОЗ. 1870. № 12. Отд. II).

Таким образом, в «Отечественных записках» обнаруживается явная тенденция журнальных текстов к структурно-содержательной, жанровой и типологической синхронизации, находящая практическое воплощение в появлении «пограничных», или синкретических, жанровых форм критики и полидискурсивных типов критических публикаций, которые в той или иной степени вбирают в себя проблемно-тематические, структурные, эмоционально-образные ресурсы иных жан-

ровых форм, представленных в журнальном контексте.

Произведения «синкретических» жанровых форм с расширенным литературно-критическим дискурсом – неперенный атрибут и современных литературно-художественных ежемесячников, причем для их публикации редакции часто приходится вводить *новые постоянные* или *специальные пульсирующие рубрики*. Так, работа С. Чекалина о Довлатове в «Новом мире» (1997. № 4) шла под рубрикой «Опыты». «...Она и не статья почти, она и не поэзия, она и не эссе – она все сразу и читается на едином дыхании», – заметила И. Пруссакова [10, с. 6]. Работа М. Кураева «Чехов посредине России», написанная в форме «свободного эссе», появилась в «Звезде» под грифом «Дневник писателя» (Звезда. 1997. № 3. С. 116–136). Литературно-критическое исследование А.И. Солженицына «"Смерть Вазир-Мухтара" Юрия Тынянова» ввиду своей полидискурсивной природы также потребовало выделения его в структуре журнала в отдельную рубрику «Дневник писателя» с дополнительным уточнением «Из литературной коллекции» (Новый мир. 1997. № 4. С. 191–199). Само присутствие подобных публикаций в издании доказывает: журнальный контекст в целом и составляющие его тексты находятся в отношениях двунаправленной взаимозависимости и влияют друг на друга не только на содержательном, но и на морфологическом уровне, что приводит, с одной стороны, к возникновению определенной однородности восприятия контекста, помогающей удерживать целостность читательской рецепции, а с другой – консолидирует сам контекст.

Контекстуальная (внутрижурнальная) функция синкретических текстов состоит в том, что благодаря им может происходить обогащение или трансформация структуры контекста «толстого» журнала, то есть появление новых разделов и рубрик. За счет этого контекст «толстого» журнала (а только в нем, вследствие многогранности его содержания, возможно полноценное развертывание описанных процессов) приобретает большую гибкость, динамичность, способность к преобразованию.

И, наконец, синкретические тексты, параллельно участвуя в формировании сразу нескольких (соответственно составляющим

их компонентам) дискурсов журнала, сами синтезируют единство контекста как его качественную атрибутивную характеристику. Поэтому жанровый и типологический синкретизм, выполняющий в контексте функцию созидательной интегрирующей энергии, вполне органичен и плодотворен для «толстого» журнала как типа издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личность здесь – смысловой лик вещи. «Под личностью... не нужно обязательно понимать именно изображение человека и его тела, – пояснял А.Ф. Лосев. – Все это должно содержаться в искусстве как принцип. Пускай какой-нибудь пейзаж в живописи не содержит ни человека, ни его личности, ни его тела; тем не менее, если этот пейзаж есть произведение искусства, он есть всегда нечто «живое», вызывающее в нас внешне определенное состояние чувства, мысли и стремления. В нем есть внешнее, в нем есть внутреннее, в нем есть смысл, есть понимание, есть интеллигентность. Следовательно, он принципиально есть некая живая и разумная личность» [7, с. 47].

² «Форма в ее конкретном значении не существует вне того материала, который она оформляет. Отношения зависят от того материала, который соотносится. Одни отношения мы получим, если вылепим фигуру из папье-маше, и совершенно другие, если отольем из бронзы... Сюжетные отношения несовпадения в любви будут одни, если возьмем Глана и Эдварду, другие – Онегина и Татьяну, третьи – журавля и цаплю. Таким образом, всякая деформация материала есть вместе с тем и деформация самой формы. И мы начинаем понимать, почему именно художественное произведение безвозвратно искажается, если мы его форму перенесем на другой материал. Эта форма оказывается на другом материале уже другой [3, с. 79–80].

³ Подробнее о соотношении содержательных и формальных структур печатного издания с точки зрения феноменологии см. в работе Б.Я. Мисонжникова: [9].

⁴ При ссылке на журнал «Отечественные записки» в круглых скобках будут указаны год, номер, отделение и цитируемые страницы.

⁵ Обоснование категории «тип журнальных литературно-критических публикаций» см. в статьях О.Г. Шильниковой: [13, с. 96–103; 14, с. 241–245].

⁶ Так, характеризуя годовые обзоры-циклы Н.К. Михайловского, В.Н. Коновалов и Л.В. Пожилова пишут: «...Характер его критических выступлений отличается стремлением к публицистичности,

художественности, научности... методология... отличается социологическим уклоном... в жанровом отношении его обозрения представляют синкретическую структуру, в которой наблюдается сочетание элементов рецензии и отклика, заметки и проблемной статьи, аннотации и беседы, стремление к циклизации. <...> Стилистика его работ – это синтез художественного творчества, науки и публицистичности (термины и формулировки публицистики, научные понятия, логическая отточенность мысли). Блестящий пересказ книги у него часто перерастает в фельетон, веселое присловье, притчу, каламбур, заразительную метафору» [5, с. 58, 59].

⁷ Примерами документально-мемуарных текстов, сочетающих литературно-критический и публицистический дискурсы, в журналах конца XX века могут служить публикации Ю. Буртина о судьбе произведений А.Т. Твардовского и журнала «Новый мир» (см.: [1, с. 191–202; 2, с. 209–239]).

⁸ Письма и воспоминания российских писателей XX века, ранее не предававшиеся гласности чаще всего по идеологическим соображениям, стали активно публиковаться в «толстых» журналах перестроечного периода. Они позволяли читателям открыть новые грани личности их авторов и по-иному оценить общественно-литературную атмосферу советского периода нашей истории. Таковы появившиеся в «Знамени» дневники А.Т. Твардовского «Из рабочих тетрадей (1953–1960)» (1989. № 7, 8, 9). Ценность этих записок, как справедливо пишет в предисловии к ним М.И. Твардовская, состоит в том, что в них собраны воедино эпизоды собственной жизни писателя и жизни журнала, много литературного материала: отзывов о прочитанных книгах, размышлений об общих литературно-философских вопросах, историко-литературной информации. Кроме того, «писатель Твардовский был так поглощен интересами советской литературы, имел такие многочисленные и многообразные контакты с современниками, прошел, если оглянуться, такой длинный путь от хуторского подворья до столицы и собственной популярности, что теперь сам являет собою книгу «о времени и о себе», которую еще предстоит прочесть» [11, с. 124–125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буртин, Ю. «Вам, из другого поколения...». К публикации поэмы А. Т. Твардовского «По праву памяти» / Ю. Буртин // Октябрь. – 1987. – № 8. – С. 191–202.
2. Буртин, Ю. «Едва раскрылись первые цветы...». «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году / Ю. Буртин, А. Петров // Дружба народов. – 1993. – № 11. – С. 209–239.

3. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1986. – 572 с.
4. Гончаров, А. И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. / А. И. Гончаров. – М. : Худож. лит., 1980. – 502 с.
5. Коновалов, В. Н. Жанровое своеобразие критических обзоров и циклов Н. К. Михайловского / В. Н. Коновалов, Л. В. Пожилова // Жанры русской литературной критики 70–80-х годов XIX века. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 51–63.
6. Кулешов, В. И. Некрасов в русской критической мысли / В. И. Кулешов // Н. А. Некрасов и русская литература. 1821–1971. – М. : Наука, 1971. – С. 171–220.
7. Лосев, А. Ф. Форма – Стиль – Выражение / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1995. – 944 с.
8. Макашин, С. А. Примечания / С. А. Макашин // Салтыков-Щедрин, М. Е. За рубежом / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Сов. Россия, 1989. – С. 284–314.
9. Мисонжников, Б. Я. Феноменология текста печатного издания (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания) / Б. Я. Мисонжников. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 490 с.
10. Пруссакова, И. Критики нет? Критика есть! / И. Пруссакова // Вопросы литературы. – 1998. – Июль – авг. – С. 3–35.
11. Твардовская, М. И. <Предисловие к «Рабочим тетрадам» А. Т. Твардовского 1953–1960 гг.> / М. И. Твардовская // Знамя. – 1987. – № 7. – С. 124–126.
12. Турков, А. М. «Свое» и «чужое» / А. М. Турков // Салтыков-Щедрин, М. Е. За рубежом / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Советская Россия, 1989. – С. 5–22.
13. Шильникова, О. Г. Популяризаторская критика как структурно-функциональная часть «толстого» журнала / О. Г. Шильникова // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Серия «Обществ. и гуманитар. науки». – 2008. – № 11 (75). – С. 96–103.
14. Шильникова, О. Г. Рецензионные и библиографические материалы как тип журнальных публикаций / О. Г. Шильникова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика». – 2008. – № 2. – С. 241–245.
15. Щедрин, Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. В 20 т. Т. XIX / Н. Щедрин. – М. : Гослитиздат, 1933–1941. – 340 с.

**THE LITERARY-CRITICAL PUBLICATIONS
AS AN INTEGRATING COMPONENT OF THE MAGAZINE CONTEXT
(ON THE MATERIAL OF “DOMESTIC NOTES” BY N.A. NEKRASOV)**

O.G. Shilnikova

In this article the polydiscursive literary-critical texts were typologically identified and classified on the material of the magazine of N.A. Nekrasov “Domestic Notes” (1868–1884). There were defined their constructive and audience functions, their text parameters. In the article there was considered the syncretic genre forms publications role in the formation of the edition integrity as common phenomenological space.

Key words: audience, genre, context, literary magazine, typology, function, mass-media texts.